

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ 19-ГО ВЕКА О «КУКЕРАХ» В БЕСАРАБИИ

Александр Ковалов

Имеющиеся на сегодняшний день в научной литературе сведения о «кукерских играх» у бессарабских болгар крайне скудны и обрывочны. Преследование со стороны местной церкви (игры восходят к язычеству) и светской администрации этого обряда, одного из самых ярких и самобытных в болгарском народном календаре (характерного для Восточной Болгарии, выходцами из которой были большинство переселенцев в Бессарабию), привело к тому, что уже в начале XX века он считался исчезнувшим. И хотя в некоторых селах обряд исполняется вплоть до 2-й мировой войны, он уже утрачивает ряд важных элементов, приобретая в то же время отдельные черты, свойственные молдавской обрядности.

Цель данной публикации — дополнить обширный список литературы о кукерских играх в Болгарии введением в научную печать материалов, которые содержат описание кукерских обрядов, исполнявшихся в болгарских селах Бессарабии в 60-х — 70-х гг. XIX века.

Одно из первых в научной литературе упоминаний о кукерском обряде в Бессарабии принадлежит Й. Титорову¹. Он говорит о том, что в первый понедельник Великого поста кукуеры, одетые в вывернутые наизнанку «кожухи» и шапки, намазав лица сажей, чтобы быть неузнаваемыми, ходили по селу (и по чужим селам), главным образом, чтобы пугать людей. Автор утверждает, что около 1874 года некоторые жители с. Шикирли-Китай одевались кукерами, но священник выговаривал им за это, так как обычай не был христианским. Й. Титоров называет обычай странным, говорит, что цели его узнать не удалось и что обычай этот в Бессарабии давно исчез.

В несколько более подробном описании кукерского обряда, практиковавшегося в с. Шикирли-Китай, которое мы находим у Н. Державина², шествие происходит в первые три дня Масляной недели; участники используют

маски; появляется фигура «царя», которого носят на лестнице; один из кукуеров носит «дитяню» на руках (ничего не говорится о том, переодет он женщиной или нет). Главная идея праздника — идея плодородия — проявляется в гаданиях о будущем урожае по рогу кукуера, в надежде на избавление от бедности, связанной с посещением кукуеров.

В наблюдениях Л.В. Марковой говорится о кукуерском обряде, сохранившемся до 2-й мировой войны в упрощенном виде (без запрягания в плуг и вспахивания) в с. Кулевча (Колесное) и впитавшем в себя новые элементы (хлопанье кнутом, как в молдавском «Плугушоре»).³

Один из вариантов кукуерского обряда представляют, по всей видимости, и так называемые «плашила» (пугала) в с. Кирсово, которые ходили по улицам на Масленицу (или на заговенье, или всю неделю перед этим праздником).⁴ Начинали обход они обычно вечером, когда на улицах зажигали огни, в дома не заходили. Одеты были, как правило, в вывернутый наизнанку «кожух» или «ямурлук» и различные маски. Двое из них изображали семейную пару, «женщина» несла на руках «ребенка» (куклу из тряпок). Участники пели, прыгали, танцевали под звуки народных музыкальных инструментов, а хозяева выходили на улицу и давали им подарки. Интересно, что и здесь появляется такой элемент, как хлопанье кнутом. Сохранилось в этом селе, как и в болгарском селе Жеравна (большая часть болгарского населения с. Кирсово — потомки выходцев из Жеравны) название праздника — «Куковден» (первый понедельник Великого поста). Кстати, среди различных наименований кукуеров в болгарской научной литературе встречается и слово «плашила». Д. Маринов упоминает его, говоря о с. Клисура (под Копривщицей), где главное назначение маскардадного шествия — пугать детей, чтобы они не просили мяса во время поста.⁵

Вполне вероятно, что в дальнейших полевых исследованиях могут быть выявлены какие-то новые данные о кукуерском обряде у бессарабских болгар, но существует и другой, не менее интересный источник — это материалы различных периодических изданий XIX века.⁶

Одно из них — «Записки Одесского общества истории и древностей». В статье о нравах и обычаях бессарабских болгар, помещенной на страницах этого издания⁷, А. Левицкий, учитель приходского училища г. Рении, рассказывает об интересующем нас обряде следующее. Кукуеры в черной одежде (в вывернутых наизнанку полушубках и штанах из бараньей кожи, косматых масках с рогами) по одному — двое появляются на улицах на рассвете «Лазаревой субботы». Постепенно число их увеличивается и доходит иногда до пяти десятков. У каждого, по словам автора, в руках «деревянный молоток с длинной тонкой рукояткой» и колокольчик на поясе. Один из них, переодетый женщиной, бегают, скачет, влезает на стога сена, а остальные следуют за ним, «шарят по курникам» в поисках яиц, ловят мальчишек, ко-

торых, если поймают, посыпают пылью, намазывают яйцом и изображают бритые головы «деревянными молотками». Разойдясь к полудню, вечером они снова собираются и вывозят за пределы колонии на паре колес «женщину» и «старика-хаджи» (роль которого также исполняет замаскированный юноша), держащего «ночвы» с пшеницей. Остальные кукеры стараются сбросить сидящих на оси, падение сопровождается смехом. Выйдя в поле, они представляют «орание и сеяние пшеницы». Автор говорит, что обряд этот живет лишь «в одном воспоминании болгар», а объяснений значения слова «кукер» и действий участников ему найти не удалось. Оставив без внимания попытку автора объяснить значение обряда христианскими мотивами, отметим, что, по словам А. Левицкого, кукеры появляются также и 24 июня, когда исполняется обряд «Пеперуда» (в тексте — «Пинеруда»). Если автор не ошибается, связывая кукерские игры с такими праздниками, как «Лазаровден» и «Еньовден», то мы имеем дело с довольно необычной для общеполгарской обрядности календарной прикрепленностью маскарадных игр (в таком случае действительно вероятно связь между «вытрашиванием и похищением яиц» кукерами и обрядностью дня св. Лазаря, которую предполагает автор). Впервые, как видим, появляется и такой важный элемент, как обрядовое вспахивание и засевание пшеницы.

Далее речь пойдет о материалах из «Кишиневских епархиальных ведомостей». Публиковавшиеся в них описания приходов в болгарских селах Бессарабии, а также отдельных болгарских праздников и обрядов написаны, как правило, священниками (в основном болгарскими по происхождению), которые хорошо знали нравы и обычаи своей паствы. Отношение их ко многим из этих обычаев демонстрирует само название одной из интересующих нас статей: «Борьба приходского священника с предрассудками и суевериями прихожан-болгар».⁸ Из приведенного в этой статье описания кукерского обряда, практиковавшегося в с. Чумлекьой, видно, что не было еще забыто участниками предназначение обряда: совершался он в надежде «получить обильные плоды со своих посевов». Отметим также отчетливо выраженную сексуальную и брачную тему, которую развивают, в основном, «жених и невеста», а также запрет говорить на родном языке — элементы, весьма характерные для кукерских игр, но отсутствующие в приведенной выше литературе. Отрывок из вышеназванной статьи Киранова, касающийся кукеров, приведем полностью: «В понедельник Сырной недели или же в первый понедельник Великого поста, который называется у болгар кукерным иначе маскарадным днем, совершается следующий обычай. Дюжины две парней наряжаются в самые безобразные маски, с рогами и хвостами при длинной бороде и целого лошадиного хвоста с навешенными на шею тряпками и колокольчиками. Выбирают из среды себя такого, который отличается колоссальностью роста, одевают в безобразный костюм и величают его царем. Царь пользуется особым почетом сообразно своему званию. Его сажают на двухколесную телегу, в которую некоторые из

его свиты запрягаются, другие идут впереди и метлами прочищают ему дорогу, а иные с такими же метлами в руках идут по сторонам экипажа своего властелина и как бы осеняют его; за экипажем в брачном одеянии, также безобразном, идут жених с невестой (двое мужчин), и невеста несет в руках своих чучело наподобие дитяти и притом спереди под платьем опоясана соломою и разными тряпками, чтобы казалась зрителям беременною, а за ними следует повозка с провизией. Эта процессия тянется длинной вереницей по улице села с величайшим криком и шумом при звуках национальной гайды. Во время процессии запрещается говорить на природном языке, а непременно на турецком; не знающие же турецкого языка должны объясняться только пантомимами. Проходя таким образом через все улицы села, царь изредка издает какие-то непонятные звуки, испуская табачный дым из предлинного чубука. Остановившаяся перед домом каждого хозяина, или же войдя в самый дом, они мимическими знаками выполняют церемонии перед царем, наподобие китайских, за что получают подарки, состоящие преимущественно из зернового хлеба и денег. Кроме того, если царь усмотрит на улице собрание жен и девушек, непременно прикажет жениху обнимать свою невесту и проч. ... так что со стыда все должны уйти оттуда. При этом своем бесновании, буде встретят проезжающего или проходящего, царь приказывает своим покропить его помелами и за то потребовать от него вознаграждения; буде проезжающий не даст им ничего, то они обмарают его разными нечистотами и отпустят. Так проводят они целый день и к вечеру заканчивают свой обычай пирушкой, сопровождающейся развратной сценой между женихом и невестой. Этот обычай совершается некоторыми болгарами по тому верованию, что они получают обильные плоды со своих посевов, которые принесут им много доходов и тем будут иметь возможность жениться с веселием и торжеством. При этом обычае женщины болгар, как нерождающие, так и те, коих дети умирают в младенчестве, силятся упробить царя деньгами и другими подарками принять от них какую-либо вещь, в которую сами одеваются, и одеть ею кукерную невесту, для ношения в тот день; а на другой день, получивши свою вещь как бы освященною, они верят, что на будущее время первые из них будут рожать, а у последних дети будут жить».⁹

Наиболее полное и подробное описание кукерского обряда у бессарабских болгар дается в публикуемой ниже статье Ф. Варзопова «Кукиры».¹⁰ В ней описан, вероятно, обряд, исполнявшийся в с. Кулевча, где автор был священником. Интересно отметить, что это то же самое село, которое упоминалось в наблюдениях Л. В. Марковой (см. выше). Судя по всему, обряд на время написания статьи достаточно хорошо сохранился, так как мы находим в нем все основные элементы, присущие кукерским играм: ритуальные обходы домов, мнимую смерть и воскрешение кукера, символическое вспахивание и засеивание. Шире здесь и круг персонажей: кроме «жениха с невестой», появляются «бабка», «стрелец», «поп».

Связь между проведением обряда и надеждами на хороший урожай находит выражение как в объяснениях автора, так и в словах самих участников. С темой плодородия связаны сексуальные и брачные мотивы. Причем «идея о слиянии мужского и женского начала как символическом средстве воздействия на плодородие, как переносе человеческой плодовитости на природу»¹¹ не только проявляется в различных сексуальных символах, но и прямо высказывается автором: «И чем соблазнительнее игра, тем более надеются на урожай».¹²

Связь идеи плодородия и с культом умерших предков подтверждается, кроме всего прочего, упоминаемым в статье фактом появления кукуеров с приходского кладбища. А представление о них как о посланцах потустороннего мира высказывается самими участниками.

Традиционный кукуер — это мим, в описанном Варзоповым обряде соблюдается и это требование. Турецкая речь, которая упоминалась и в предыдущем материале, не нарушает этого правила, чужой язык выступает как эквивалент молчания.

Интересно отметить, что «царь» кукуеров в описании Варзопова — это «один из почетных хозяев или же сам сельский староста», в то время как у Н. Державина — горький пьяница, а в статье С. Киранова — просто юноша, отличающийся высоким ростом. Эти различия могут быть обусловлены либо региональными особенностями обряда в тех местах на территории Болгарии, из которых происходило переселение, либо могут отражать различные стадии его разрушения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Титоров Й. Българите в Бесарабия. София, 1903, с. 271.

²Державин Н. С. Болгарские колонии в России, т.1. София, 1914, с. 160.

³Маркова Л.В. Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуречья Прута и Днестра. — В: Известия на Етнографски институт и музей. София, 1968. кн. XI, с. 159

⁴Материалы из личного архива автора.

⁵Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1994, с. 515.

⁶Подробнее об этих и других источниках см.: Капацына Е. В. Этнографическое изучение болгарского населения южных губерний Российской империи XIX — начала XX века. — В: Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине. Кишинев, 1993, с. 169-186.

⁷Левицкий А. Нравы и обычаи болгар, живущих в бессарабских колониях. — Записки Одесского общества истории и древностей. 1860. т. 4. отд. 3, с. 450-464.

⁸Киранов С. Борьба приходского священника с предрассудками и суевериями прихожан-болгар. — Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1875. № 21, с. 770-788; № 22, с. 818-823.

⁹Там же. № 21, с. 775 — 776.

¹⁰Варзопов Ф. Кукиры. — Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1877. № 9, с. 386 — 391.

¹¹Беновска-Събкова М. Българската маскарадна обредност в контекста на европейската традиция. — Българска етнография, София, 1994. кн. 3 — 4, с. 8.

¹²Варзопов Ф. Кукиры. — Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1877. № 9, с. 390.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Статья впервые опубликована в «Кишиневских епархиальных ведомостях».

Кишинев, 1877. № 9, с. 386-391. Текст воспроизводится полностью, в современной орфографии, с примечаниями Ф. Варзопова.)

КУКИРЫ

Кукиры — это народная забава, во время масленицы, впрочем бесчинная, неприличная, непристойная, существующая и теперь еще в некоторых болгарских селениях в Бессарабии. Слово *кукир* значит *чучело, идол, истукан* или *болван, ряженный*. Болгары-язычники перед наступлением весны наряжались, отправляли мистерии и делали процессии в честь бога солнца и богини плодородия, надеясь этим самым склонить их к себе на милость и тем низвести на себя их благоволение. Из языческих времен совершение этих весенних мистерий осталось у болгар и по принятии ими христианства и происходит в настоящее время в следующей форме.

Молодые поселяне за два или три дня до сырной недели начинают приготавливаться к игре, то есть, собирают, где только отыщут, тряпки и в то же время старые платья пересматривают и исправляют. Затем в первый день сырной недели до рассвета молодые поселяне, достигшие брачного возраста, с которыми участвуют в то же время и семейные, секретно собираются в каком-либо доме, только им известном, и избирают из среды себя самых сильных и бойких, которые наряжаются в заготовленные платья таким образом: сперва надевают на голову шапку из кожи или войлока, наподобие маски, с пришитыми наверху рогами из такого же материала; отверстие для глаз окаймлено красною шерстяною, толстою ниткой, так же как и отверстие для рта и ноздрей; зубы в отверстии рта приделаны из стволов гусиных перьев в большом виде, подбородок и усы из лошадиного хвоста или же из лохмотьев старого изношенного кожуха; потом надевают на себя кожух наизнанку, то есть вверх шерстью, подпоясываются красным поясом домашней работы, на котором сзади привязывают колокольчик или тронку¹ от овец, берут в руки деревянные прутья наподобие большой палки, длиною в сажень, и на каждой палке в одном конце укрепляется большая тряпка, которую называют *пометало*, кроме того, нарядившись, один из них принимает вид *стрельца*, который вместо *пометала* берет трубку

величиной в полтора аршина, лук и торбу с пеплом для заряда. Подходящие под физиономии женщин наряжаются в женское платье болгарского костюма, одно лицо из них играет роль женщины с кужелем и пряжею, другое берет куклу повитую наподобие младенца в большом виде. Вместе с тем они кошунственно унижают *священнический сан*, — с общего согласия одного члена из среды своей *наряжают в попа*, который надевает на себя вместо риз пестрое рядро, в одной руке держит казанчик с водой, в другой — кропило. Таким образом, нарядившись, с восходом солнца, а иногда и раньше того, все вместе внезапно являются на улицу. Толпы народа разного возраста, кроме женщин, во многих пунктах села с нетерпением ожидают кукиров (в других селах появление кукиров бывает из кладбища приходского, откуда с большим криком они устремляются на село), и при появлении их все толпы народа сливаются в одну массу вблизи кукиров. Кукиры в это время поздравляют присутствующий народ с каким-то восторгом и важностью на турецком наречии сими словами: Доброго утра, господа, как поживаете? Гости к вам с того света пришли, принимаете ли? Бог даст вам урожай, дайте нам теперь гостинец-подарок. Между тем избранный ими поп мнимо читает молитвы над сказанными женщинами и кропит всех водою, за это толпа бросает ему в казанчик деньги. После приветствования уже более не говорят ни на каком языке, только на турецком, и при звуках колокольчиков и трюнок, при крике, гаме и шуме турецких слов, рассыпаются по одному направлению деревни и бегают как бешеные до самого вечера, а за ними следует и масса народа. Ходя из дома в дом, они у встречного, попавшегося им на улице, размахивая и заметая по земле вокруг него нарочно запятнанным грязью помелом, вынуждают подарок; если не удастся получить от встречного *бакшиши*, то горе такому: они смело осыпают такового ударами запачканных пометал, а тот, почувствовав на себе первый удар и не дожидаясь другого, бросается вспять зря и едва с напряженным усилием спасается бегством от преследующих его кукиров.² Если кто-нибудь из хозяев одарит их хорошо и примет с раболепством, то такового наперерыв осыпают поцелуями; при том одни из них вылазят на крышу его дома, очищают трубу от сажи, другие снизу подбирают сажу, выносят на двор или на улицу, бросают прямо на толпу, потом стремглав кувыркаются и падают с крыши наземь, ухаживают около хозяина, мнимо бреют его и оказывают ему всяческие почести, а прочие, не занятые услугами, на улице под звуки болгарской *гайды*³ делают *хоро*: пляшут и творят такие соблазнительные сцены с мнимыми женщинами, о которых срамно есть и глаголати. Во время этой суматохи стрелец следит за толпою и когда заметит, что кто-нибудь из толпы обижает товарища его, прокрадывается с луком сквозь толпу и незаметным образом — бах ему из лука пеплом под нос прямо в глаза и вдруг между своими товарищами скрывается. Если кто из кукиров попадется в руки толпы, то товарищи его вмиг бросаются на толпу и вырывают его, но уже не живого, а мнимо умершего от ударов толпы. Над мнимо умершим, до появления скрывшегося стрельца, упомянутые женщины самым

отвратительным образом делают попытки привести такового в сознание и при этом самым грязным способом ощупывают все члены его. Мнимый же поп читает что-то над ним и над женщинами и кропит их водою. Но вот появляется стрелец и устраняет всех от мнимо умершего и кричит на них: «пошли прочь к ... матери, вы ничего не понимаете, я его сам вылечу» и вдвует воздух чрез носимую им трубочку в задний проход мнимо умершему; после такой операции мнимо умерший вдруг вскакивает и все вместе с ним пляшут и бегают, гоняясь за толпою, из которой редко у кого остается спина незапятнанной. Во все время игры беспрестанно ругаются между собою и других ругают такими словами: анасана ... каскардашана ... бизюнини ... авранана ... динини ... ⁴ и другими. И чем соблазнительнее игра, тем более надеются на урожай.

Пред вечером кукиры прекращают игру, собираются на перекрестке дороги среди деревни и при многочисленном собрании народа избирают одного из почетных хозяев или же самого сельского старосту и приглашают быть его царем, какое приглашение считается честью для приглашаемого. Кукиры принимают вид подданных пред лицом воцарившегося, исполняют в точности все его приказания. По воцарении царь кукиров тотчас впрягает их в плуг, сам держит *чепши* и управляет плугом; одна из женщин сеет хлебное зерно вслед за плугом, другая из них *кужелом* подгоняет везущих плуг, и проводят вдоль по улице с большим криком борозду, другие же следуют за плугом, размахивая пометами по борозде, закрывая упавшие зерна землею. Это делают в ожидании большого урожая, и потому часто во время работы слышатся крики на турецком языке: «*Теперь уже непременно Бог даст здоровье и урожай*». По окончании всего, предводительствуемые царем идут все за ним на приготовленный заблаговременно для угощения пир, где за трапезою первое место занимает царь кукиров, а рядом с ним садятся и почетные хозяева. Пир и гулянье продолжаются всю ночь, оканчиваясь всегда необузданным пьянством до бесчувствия.

Нельзя смотреть равнодушно на это возмутительно безобразное народное игрище во время масленицы. Приходским пастырям следует употребить все меры пастырской строгости для искоренения и совершенного уничтожения этих остатков язычества.

Священник Филипп ВАРЗОПОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹Чабаны для сигнала привязывают тронку на одну из овец своих.

²Замечательно, что убежавший от них, кто бы он ни был, без ропота, с улыбкой на устах переносит нанесенные ему удары и следует за ними с толпою.

³Гайда — это мех из козлиной кожи, к которому приделан музыкальный инструмент, посредством вдвухания в него воздуха музыкант играет на нем что угодно.

⁴Что значит — мать ... сестру ... дочь ... жену ... веру ... Дополнительных слов по мерзости содержания нельзя напечатать.